

В размышлениях о «Песне песней» появляется цветок, означающий пахучесть мира. В тексте «Возрождающегося Египта» этот цветок совершенно неожиданно становится кодовым словом, открывающим многообразие значений слова «бес-смертие». Розанов-филолог наслаждается словом в его бесконечном многообразии, но всегда помнит о неразрывной связи земного и небесного, дольного и горнего. Если христианское отношение к миру человека предполагает его преображение, то в произведениях Розанова реальный мир принимается как совершенное творение Господа, которое и постигает человек в слове. Таково слово, не творящее мир, а запечатляющее его гармонию как воплощение Божественного замысла. В этом – своеобразие розановского онтологизма.

Библиографический список

1. *Розанов В. В.* Собр. соч. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2000.
2. *Розанов В. В.* Собр. соч. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2002.
3. *Розанов В. В.* О себе и жизни своей / сост., предисловие, комментарий В. Г. Сукача. М., 1990.
4. *Флоренский П. А.*, свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1) / сост. игумена Андроника (А. С. Трубочёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубочёвой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубочёв). М., 1999.
5. <http://pravoslavie.ru/jurnal/rusmirovovzrenie.htm>

С. А. Губанов

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ОСОБЕННОСТИ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ АНТИНОМИЙ В ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЫТИЯ О. П. А. ФЛОРЕНСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА «ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТА»)

В последнее время в отечественной культурологической науке все чаще выводится на первостепенные позиции мысль о значимости пространственно-временной организации Бытия как особой сегментационной картины, играющей важную роль в направлении понимания историко-культурного генезиса в частности и непрерывного культурфилософского дискурса в целом. К числу таких работ относятся: статья Г. В. Дьяконова «Антиномическая гносеология П. А. Флоренского как основа методологии духовно-онтологической и диалогической психологии», работа В. В. Мороза «Взаимосвязь философии и математики в творчестве П. А. Флоренского» и др. Представленные исследования ставят перед собой задачу раскрыть одну из плоскостей феномена онтологии о. П. А. Флоренского. В связи с этим изучение свойств, качеств и состояний сегментных единиц, образующих

онтологическую картину Бытия, познание их непревзойденных моделей смыслового соотношения и системо-логических диафрагм регулирования процессов становления характерологии пространственно-временных сегментов, становится доминантным научным базисом в качестве рассмотрения особенностей их соучастия с уникальной природой антропологического микрокосма.

В узком смысле слова рассмотрением такого движения смысловых моделей занимаются самые различные по своему феноменальному толкованию онтологические концепции (М. Фуко, У. Эко, М. Бубер), в которых парадоксально сочетаются разноуровневые дефиниции особенностей хронотопа реальности. К числу таких относятся и онтологически принадлежат уровни теологических, теургических, аксиологических и семиотических форм апперцепций действительности. Причем в каждой смысловой системе восприятия Бытийственного состояния монументальность координат сдвигается в сторону приращения к тому или иному уровню толкования реалистических процессов как в детерминированной декларации, так и в феноменальной формуле их сочетаемости.

Цель нашего исследования – установить особенности теологической природы антиномий Бытия в онтологических представлениях о. П. А. Флоренского.

В данной исследовательской работе, опираясь на фундаментальные философские системы, а напомним, их две: субстанциональная и реляционная, –мы будем опираться на догматы, которыми апеллирует последняя система изучения онтологических свойств реальности (З : 574).

Другими словами, из этого следует, что рассматривать особенности теологической природы антиномий мы будем в непосредственной близости с аксиологическими функциями онтологического представления. Такое положение исследования представляется с нашей точки зрения чрезвычайно важным, поскольку мотивация дискретности этих понятийных формул приведет в итоге к искажению самого понимания особенностей онтологии антиномий, существующих в рамках концепции о. П. А. Флоренского.

Существование теологического концепта в онтологической концепции антиномий о. П. А. Флоренского достаточно четко прослеживается на протяжении множественных, тематически разнообразных рассуждений богослова о значении, предназначении и смылосостоянии действительных процессов, являющихся архесегментами построения мотиваций для системы формирования моментов соопределения человека с глубинными таинствами бытийствования. Идентификация таких тончайших моделей сопричастия человеческой природы и состояния феноменологической духовности Бытия происходит только на уровне погружения аксиологических мироощущений в символические образы реальности. Поступательное вхождение в опосредованное пространство постижения того или иного образа действительности, детерминируется импульсами духовного сосредоточия, участвующего в непрерывной конструктивизации и репродуцировании, систематико-логических и характерологических отличий истолкования существа онтологического феномена явлений. Благодаря присутствию в душевном состоянии человека пути духовного сосредоточия, наблюдается процесс установления точек соприкосновения мировидения, порождающихся принципиальными импульсами духовной оценочной деятельности, из которой отчетливо секуляризуется система

теологического восприятия, то есть принятие и понимание существующих явлений в их первородной основе: «Методологию мировосприятия П. А. Флоренского можно лишь условно называть гносеологией, поскольку его концепция познания выходит далеко за рамки собственного познания и представляет собой полифоническую картину многообразных путей постижения мироздания, в которой органично и драматически сливаются научно-рационалистическое исследование законов объективного мира, прерывно-иррационалистическое познание тайн природы и жизни человека и божественно-мистические прозрения и откровения, освещающие целостность всеединой реальности» (1 : 2).

Выделенный вид уникальной теологической перцепции заключает формулы локализации функционирования смыслового феномена самого явления действительности на уровне оснований постижения его сущностной природы в непосредственно близкой связи к прерывности, которая, в свою очередь, обозначает и формулирует первое свойство антиномий: «Явный отсвет диалогичности заключает в себе и представление Флоренского о том, что диалектическая мысль движется не линейно, а пунктирно – то уходя в подсознание, то вырываясь на поверхность и вспыхивая ослепительной ясностью; и главное здесь – не утратить естественной пульсации опыта, естественного ритма взаимодействия» (1 : 1). В таком ключе понимания свойств онтологии необходимо признать, что каждое со-бытие организовано по принципу содержательной законченности, которая реализуется в беспредельной бесконечности. Наличие такого принципа утверждает, что относительно секуляризованное явление по своим внутренним качествам и состояниям представляет ничто иное, как опосредованную структуру ретрансляции собственного генезиса, располагающегося как в имплицитных формах и плоскостях, так и эксплицитных дефинициях.

Регуляционная среда соотношения таких многообразных имплицитных и эксплицитных форм смысловой динамики в структуре явления образуется благодаря фиксации теологического смысла аксиологическим восприятием, обуславливающим признание видимой области истинности самих категорий явления, их теодицеи. Своеобразно присутствующая в Бытии аксиологическая сущность, по мысли Флоренского, пространственно формулирует уникально выраженную парадигматическую структуру взаимоотношения целого комплекса имманентных со-бытий и имманентности систем мировосприятия, символической сердцевинной которых становится модель выстраивания антиномий, проникнутых необыкновенным средоточием теологического смысла: «Антиномическая природа разума и есть его существование <...>. Сама истина у Флоренского и есть антиномия <...>» (2 : 6). Подобная экспликация смысла локализуется тем, что выраженность присутствия антиномического начала в реальности детерминирована преимущественно в пределах словесной формулы, уже декларирующей об их теологической природе, поскольку, что прилежит к именованию в Бытии, уже приобретает как тайна, видимая форма таинства. Самостоятельно феномен таинства в онтологии Флоренского выявляется в качестве организующего свойства теологии антиномий. Аналогичную точку зрения, если коснуться исторического дискурса, разделяли русские философы, только может немного под другим углом зрения, говоря о том, что именование один из важных процессов в онтологическом генезисе

действительности, так как отсутствие именованности заключает исчерпанность сущности явления, его смысловую не самодостаточность.

В связи с этим, опираясь на такое своеобразное трактование сущности картины взаимодействия объектов действительности, можно актуализировать в теологических свойствах концепции антиномий Бытия богослова одну из важнейших и предопределяющих дальнейшее их развитие особенность – литургической номинации, проходящей в пределах казуальности объектов. Подобная особенность антиномий не локализуется как обособленный сегмент на фоне других приоритетных свойств и качеств, а, наоборот, присовокупляет к своей онтологической организации важнейшие функции и смысловые приращения координации казуализации объектов. Литургическая казуальность становится на позиции референции наряду с другими свойствами и особенностями антиномий в понимании мыслителя, с позиции именно их теологического рассмотрения в действительных процессах.

По мысли самого Флоренского, онтологическое прочувствование человеком литургического таинства явления и есть на самом деле непрерывный процесс локализации антиномического начала в Бытии. В таком случае, модель пространственной аккумуляции чувственного и чувствующего фиксируется как еще одна из важнейших особенностей теологии антиномий – аксиологическая теологичность: «Незримые линии магнитной силы обрисовываются, когда в магнитное поле попадают железные опилки. Так невидимое и тайное делается доступным чувственному созерцанию, облекшись эмпирическим, располагается оно по собственным линиям незримого <...>» (4 : 47).

Благодаря онтологическим свойствам такой особенности как аксиологическая теологичность, Флоренский, как мы видим, потенциально пытается прийти к организации отвлеченной концепции теологического познания явлений, в центре которого, безусловно, находится инстинктивность человека, так или иначе, чувственно и мысленно соприкасающегося с действиями, проявлениями сегментов Бытия.

Человек свойственен миросостоянию, так же как и онтологическая действительность принадлежит к аксиологическому разумению, поэтому формирование методологии, ее уникальных форм и видов, принадлежит к природе антиномий человека и онтологии, в самых традиционных приращениях. Отсюда, соответственно, можно выделить еще одну не мало важную особенность теологической природы антиномий – субъектно-объектный характер, достаточно четко проявляющийся в онтологической действительности: «<...> *O* оказывается чем-то первичным, во что гносеология верит, а *S* – вторичным, что она знает <...>» (5 : 5).

Человеческое естество, мораль и догматика жизненного процесса выстроена, по мнению Флоренского, в форме ноуменального Креста, то есть природа человека, создание им индивидуальных свойств соприкосновения с онтологическими реалиями, осязание смысловых тонкостей окружающего естества, предопределяется его богоуподоблением. В связи с таким определением, Флоренский постулирует мысль о том, что относительно любое действие человека актуализируется в рамках идеалистического проявления, но состояние истинности этого действия сохраняется совсем не на долгий период времени, поскольку как только произошло взаимодействие человека с онтологическим сегментом, попытка сохранения первоначального естества признается утраченной.

Рассматривая один из источников теологического свойства антиномий – образ религиозного чувства как онто-детерминанту, Флоренский выделяет его как символ действительного знания в духовном сосредоточии человека. Богослов проводит мысль о том, что в образовании религиозного чувства особенное местоположение занимает теологическое благоговение, дарующееся мыслью и силами трансцендентности, являющее собой безупречность ноуменальности, то есть подчеркивающее безаприорную природу истинности: «Как скомканный бутон, сжавшись, сидит человек в чреве матери. Растет и расправляется, как бутон – распускается. Цветение человеческого вида – прекраснейшее, что есть в человеке, человеческое в человеке, когда он крестообразно простерт. Но еще более это таинственно-духовно» (4 : 35).

Важным добавлением к специфике теологии пространственной модели становится мысль богослова о том, что любая антиномия являет собой ничто иное, как литургическое таинство, проясняющееся в определении соучастия двух духовных сосредоточий – имманентности и трансцендентности, которые, в сущности, и предопределяют онтологически символическую природу культа действительности. Понятие культа в онтологической концепции Флоренского является важным источником формирования теологического характера антиномий.

С одной стороны, культ – это мистический стержень культурфилософии Бытия, с другой стороны, культ – это и есть ничто иное, как теологическая антиномия Бытия. Если исследовать существование культа в действительности с позиции смыслового формализма, то богослов аргументирует это следующим образом – культ – это истинная часть действительности, где сочетаются имманентное и трансцендентное, образуя особое смысловое приращение, растворяющееся в природе вечности Бытия: «Первое, основное и прочнейшее определение культа – именно таково: он выделенная из всей реальности та ее часть, где встречается имманентное и трансцендентное, дольнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, пленное и нетленное» (4 : 30). В рассуждениях Флоренского природа вечности имеет в смысловом базисе две символические модели, дополняющие и обогащающие друг друга – символ человечности и символ Господа, помогающего развить и довести раскрытие смысловой природы первого символического постулата до формы таинственной духовности, где и происходит расцветание человеческой культуры в бесконечной степени ее понимания и осознания. По мысли Флоренского чувство как раз и становится тем организующим и органическим потенциалом между имманентными и трансцендентными онтологическими плоскостями, способное воссоздать целостную парадигму ощущений и восприятий истинной уникальности самостоятельного присутствия в Бытии: теологическое таинство – чувственное созерцание – х-объект.

Такая неоднозначная уровневая организация одних из многочисленных признаков познания теологического таинства, постепенно формулирует в системе представления о характере антиномий пространственной модели мысль Флоренского о существовании противоположной по значению парадигмы – модели так называемых эфимерных, псевдо-антиномий, основанных на принципах, методах и формах действительного материализма. Понятие псевдо-антиномий в концепции богослова приобретает самые разные, порой даже уникальные значения, ко-

которые в какой-то степени никоим образом не удаляются от теологического таинства, а в большинстве своем опосредованно перекликаются. Одним из первых таких пересечений этих двух понятий является выделенное и достаточно точно обозначенное богословом понятие имитации, иллюзии духовного сосредоточия человека. Формулирование степени иллюзии происходит благодаря отклонению духовного стержня в восприятии действительности на уровень превосходящего и затмевающего его истинное естество благодаря обращению религиозного чувства к дефинициям безотлагательного материализма. Плоскость существования, помещенная в такую эфемерную систему координат, в значительно быстром времени деструктурируется, что происходит только благодаря, по мысли Флоренского, безотрывно вращающимся в нашем чувственном созерцании – попалению и освящению, входящими в теодицею культа: «В таинственных нашего существа всегда происходит попаление и освящение <...>. Напомним: нередки случаи, когда перед глазами неверующего раздвигалась пелена видов, и грозно смотрело на них сущее культа <...>» (4 : 46). Появление данных понятий в духовном самосознании человека обуславливается присутствием страха Господня, который всечасно регулирует духовные изыскания человека в онтологии, то, нивелируясь, то, возрождаясь с новой силой истинного естества в теологической бесконечности: «Вот несколько черт, – их можно было бы без труда умножать неопределенно, – обрисовывающих религию со страшной ее стороны – страшной, т.е. требующей страха Господня <...>» (4 : 47).

Доминантой в раскрытии особенности функционирования антиномий становится их теургическое свойство, определенное Н. Бердяевым как Боговыражение, Боготворчество. В своих умозаключениях Н. Бердяев до последней степени прав, выдвигая подобный феномен онтологии Флоренского, исчерпывающе раскрытый самим богословом благодаря истолкованию источников теодицеи культа, регулирующих бесконечным антиномическим движением. Подобным уравнивающим свойством такой антиномической прогрессии в реальности становится символ перехода между двумя онто-пластами – имманентным и трансцендентным. Эта мысль объясняется одной из сторон восприятия теургии самим Флоренским, который выстраивал систему определений ее онтологического выражения в непосредственной близости с понятийной основой культа. Самостоятельно переход представляет собой какую-то часть культа, сочетает свойства его типологии. Особенности перехода находят отражение в универсальном определении критериев онтологической ноуменальности Бытия Флоренским, который утверждал, что ноумен – это умопостижение реальных, охваченное теологической природой, что это система смысловых сосредоточий, развивающаяся под знаком теодицеи имманентного и трансцендентного, располагающих его сущностные характеристики не выше первого и не ниже последнего, где-то посередине, образуя, тем самым, своеобразный уровень действительного взаимодействия плоскостей: «Соприкосновение «видимого» и «божественного», «чувственного» и «умного», т.е. умопостигаемого, ноуменального, трансцендентного, – таков характерный и основной признак Культа <...>» (4 : 30). Обращение Флоренского к природе культа является значимым, поскольку только через призму культа выстраивается онтологическая гносеология антиномий, в том числе и их система теологических особенностей.

Безусловно, демонстрация природы вещей Флоренским как источника одухотворенности, не имеющего собственной смысловой исчерпаемости, вновь возвращает к мысли о свойствах теологической теургии антиномий. При этом теологию антиномий Флоренский усматривает не только преимущественно в номинальной дефиниции – то есть в непосредственном выражении ее смысла в атрибутах культа, но и в истолковании эмпирическом.

Одним из вариантов развития такого потенциала движения в Бытии становятся несколько источников. К области первого источника относится непосредственно воплощенная идея, выстраивающая уникальную плоскость онтологии пространства, сосредоточенную на совмещении двух онто-пластов. Формулированием значимого функционала второго источника занимается область воплощенного смысла, регулирующего процессы некоей телесности смысла, то есть момент и форма чувственного созерцания человека должны обязательно входить в смысловой и функциональный предел вещи, который, в свою очередь, должен быть запечатлен в материалистической форме собственных значений. В связи с этим можно выделить еще один пространственный элемент, участвующий в формировании теологической модели антиномий.

В неугасающем постулировании мысли о специфической, можно даже сказать, феноменальной природе антиномий, Флоренский непрестанно обращается к условиям уникальной антроподицеи их состояний, где важнейшим фактором выступает непрерывный акт деятельности. Однако область пространственно-временного движения антиномий понимается и признается богословом в форме двоякого представления. Одно из представлений связано с тем, что одним из ряда значений этимологии антиномий является функция ретрансляции форм теологического состояния реальности, ее безупречного континуума. В таком понимании антиномия представляется не чем иным, как относительно существующим в пространстве многозначным состоянием, выражающимся непосредственно в собственном отношении к онтологии действительности в опосредованном варианте.

Другое истолкование этимологии антиномий принадлежит к плоскости их функциональности, где приоритетным фактором выступает человек. Человеческое естество процесса познания как раз и становится регулятором прогрессивного существования антиномического движения в реальности, поскольку сопричастие эмпирического знания и истинного смылосостояния вещей придают, в целом, фундаментальное основание появлению антиномического дискурса вообще. Исходя из ряда представленных толкований, можно сделать вывод, что, во-первых, антиномия является безупречно существующим континуумом Бытия, а, во-вторых, антиномия есть смысл содружества человеческого знания и истинности состояния этого знания, где, по мысли Флоренского, онтологически оправданное место занимает именно деятельностный аспект разумения персонального восприятия и воспринимаемого объекта: «Антиномическая деятельность разума не только желанна сама по себе, но и безвыходно необходима как условие возможности всей жизни, во всем ее составе, даже в тех ее проявлениях, которые паразитируют на этой перводеятельности и обворовывая ее, на нее же направляют свои удары, – подрубливая тем корни своего собственного питания. Так формально устанавливается необходимость антиномической деятельности <...>» (4 : 55).

Таким образом, в процессе исследования онтологического феномена теологии антиномий в концепции о. П. А. Флоренского, можно сделать следующие выводы. Теологическая сторона развития антиномического движения в Бытии является достаточно многогранной и многозначной. Первой особенностью является – литургическая номинация, которая локализует объект действительности как состояние определенного таинства в Бытии.

Следующей признается субъектно-объектный характер антиномий, состоящий в непрерывном соучастии эмпирической деятельности человека и истинного состояния вещей. В дальнейшем выделяется еще немаловажная особенность, в которой соединяются сразу несколько сегментов антиномической системы Бытия, образуя, тем самым, некую триадную парадигму: теологическое таинство – чувственное созерцание – х-объект, где каждая составляющая становится полноценной частью общей теологической картины состояний антиномий.

Последующие, детерминированные нами особенности теологии антиномий, так или иначе, имеют прямое соприкосновение с представлениями об онтологических процессах непосредственно самого о. П. А. Флоренского. К номинации таких особенностей причисляются: феномен перехода между онтологическими пластами пространства, феномен ноуменальности, теургии и, безусловно, понятия Кюльта в Бытии.

Важной составляющей исследования явилось выделение так называемых псевдо-антиномий, выражающихся, по мысли Флоренского, в теологической атрибуции, то есть приобретающих материальную сторону существования. Помимо уже названных особенностей заметное место занимают и другие, полноценно выстраивающие картину представлений Флоренского о теологическом характере антиномий, к их числу принадлежат: процесс деятельности, символ явления идеи и символ воплощенной идеи, регулятором присутствия которых является духовное средоточие.

Подобное многообразие особенностей теологической природы антиномий в онтологических представлениях Флоренского еще раз подчеркивает уникальную значимость функционирования форм и состояний этого феномена в действительности вообще.

Библиографический список

1. Дьяконов Г. В. Антиномическая гносеология П. А. Флоренского как основа методологии духовно-онтологической и диалогической психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М., 2006. С. 387–395.
2. Мороз В. В. Взаимосвязь философии и математики в творчестве П. А. Флоренского // Вестник Московского университета. 1997. № 3. С. 1–12.
3. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн., 2003.
4. Флоренский П. А., священник. Собр. соч. Философия культа (Опыт православной антроподицеи) / сост. игумен Андроник (Трубачев); ред. игумен Андроник (Трубачев). М., 2004.
5. Флоренский П. А.. Сочинения: в 2 т. Т. 2. У водоразделов мысли истины. М., 1990.